

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10863

EDN: BFPUMC

Поэтика географических имен в песенно-эпических жанрах русского фольклора

Т. Г. Иванова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: tgivanova@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены представления о пространстве, сложившиеся в русском историко-песенном фольклоре. Пространство в поэтике песенно-эпических жанров русского фольклора — в былинах и исторических песнях — играет важную роль, определяя в рамках одной из основных мифологем «свой» и «чужой» («иной») мир. Природное пространство (леса, реки, моря, горы, пещеры и т. д.) на мифологическом уровне маркирует «иной» мир; города — «свой» («человеческий»). В былинах, которые, согласно концепции В. Я. Проппа, являют образец государственного эпоса, возникают исторические представления о пространстве; соответственно, мифологема «свой» / «чужой» определяется уже содержанием «русский мир» / «вражеский мир» и наполняется реальными топонимами. В исторических песнях происходит принципиальная смена былого обобщенного типа историзма (былины) конкретным историзмом, что сказывается на системе топонимов. На ряде примеров поставлен вопрос о соответствии или несоответствии топонима в былинах и исторических песнях географической реальности. В отношении топонима Каспийское море подчеркнута практически полное отсутствие связей географического имени с реальным географическим объектом. Представления о Балтийском море, равно как и о городах Невско-Прибалтийского пространства (Шлиссельбург, Дерпт, Ревель), оказываются более прочно связанными с реальной географией. Специально рассмотрены сдвиги в именовании географических объектов: Хвалынское / Каспийское море; Варяжское / Виряжское / Балтийское море; Орешек / Шлиссельбург; Юрьев / Дерпт; Колывань / Ревель.

Ключевые слова: былины, исторические песни, поэтика, топонимы, Каспийское море, Балтийское море, Шлиссельбург, Дерпт, Ревель

Для цитирования: Иванова Т. Г. Поэтика географических имен в песенно-эпических жанрах русского фольклора // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 47–66. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10863. EDN: BFPUMC

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10863

EDN: BFPUMC

Poetics of Geographical Names in Epic Song Genres of Russian Folklore

Tatyana G. Ivanova

The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),

The Russian Academy of Sciences

(St. Petersburg, Russian Federation)

e-mail: tgivanova@inbox.ru

Abstract. The article examines the ideas about space that have developed in Russian historical and song folklore. In the poetics of the epic song genres of Russian folklore, namely, in epics and historical songs, space plays an important role, defining “one’s own” and “alien” (“other”) worlds within one of the main mythologemes. Natural space (forests, rivers, seas, mountains, caves, etc.) mark the “other” world; cities — “one’s own” (“human”) at the mythological level. Historical ideas about space arise in heroic ballads, which, according to the concept of V. Ya. Propp, are an example of the state epic. Accordingly, the “own” / “foreign” mythologeme is already determined by the content “Russian world” / “enemy world” and is filled with real toponyms. In historical songs, there is a fundamental replacement of the former generalized type of historicism (epic) by concrete historicism, which affects the toponymic system. A number of examples raise the question of the correspondence or non-correspondence of the toponym in epics and historical songs to geographical reality. With regard to the Caspian Sea toponym, the almost complete absence of connections between the geographical name and the real geographical object is emphasized. The notions of the Baltic Sea, as well as of the towns of the Neva-Baltic space (Shlisselburg, Derpt, Revel), turn out to be more firmly connected with real geography. Shifts in the naming of geographical objects are specially considered: Khvalynsk / Caspian Sea; Varangian / Virian / Baltic Sea; Oreshek / Shlisselburg; Yuryev / Dorpat; Kolyvan / Revel.

Keywords: epics, historical songs, toponyms, poetics, Caspian Sea, Baltic Sea, Shlisselburg, Dorpat, Revel

For citation: Ivanova T. G. Poetics of Geographical Names in Epic Song Genres of Russian Folklore. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 47–66. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10863. EDN: BFPUMC (In Russ.)

Пространство в поэтике песенно-эпических жанров русского фольклора — в былинах и исторических песнях — играет важную роль, определяя в рамках одной из основных мифологем «свой» и «чужой» («иной») мир. Природное пространство (леса, реки, моря, горы, пещеры и т. д.) на мифологическом уровне маркирует «иной» мир; города — «свой» («человеческий»). В былинах, которые, согласно концепции В. Я. Проппа, являют образец государственного эпоса, возникают исторические представления о пространстве; соответственно, мифологема «свой» / «чужой» определяется уже содержанием «русский мир» / «вражеский мир» и наполняется реальными топонимами. На ряде примеров остановимся на вопросе о соответствии или несоответствии топонима в былинах и исторических песнях географической реальности. Предметом нашего внимания являются те географические объекты, которые на протяжении веков меняли свои имена — продемонстрируем, как фольклорная традиция реагировала на эту сторону исторической действительности.

Первый географический объект — *Хвалынское / Каспийское море*. Гидроним *Хвалынское море*, как известно, весьма популярен в былинном пространстве и, скорее всего, принадлежит к «исконным» топонимам классического эпоса, т. е. он закрепился в былинной картине мира в период активного становления эпоса: в X–XIII вв. *Хвалынским морем* на Руси называли Каспийское море. Этот самый большой из замкнутых соленых водоемов в разное время у разных народов именовался как Гирканское (по названию провинции Гиркания), Джурджанское (по имени города Джурджан, ныне Горган), Хазарское, Дербентское, Сарайское море и пр. В древнерусских письменных источниках *Каспийское море* чаще всего именовалось *Хвалынским* — от хвалисов, имени жителей Хорезма, торговавших на Каспии. Торговые связи с землями *Каспийского моря* для Руси были актуальными со времен создания Киевского государства. Тем не менее подчеркнем, что былинное *Хвалынское море* не включает в себе практически никаких связей с реальным локусом. Реально-географическое содержание этого топонима в русском эпосе приближено к нулю.

Хвалынское море, будучи чужеземным для Руси, и земли, конфессионально ей чуждые, естественно, заключают в себе сему «чужой», причем нередко на мифологическом уровне. Например, *Хвалынское море* появляется в былинах о Садко: герой плывет по *Хвалынскому морю*, где попадает во владения Подводного царя [Былины Печоры, № 258, ст. 6, 7, 71; № 259, ст. 5, 9]. В причудливой форме *Холбинское* встречаем топоним в сибирском варианте этого же сюжета [РЭПС, № 87, ст. 4, 16, 27, 37, 39] (см. также упоминание *Хвалынского моря* в сюжете о Садко на Зимнем берегу: [Былины Зимнего берега, № 121, ст. 141]).

По *Хвалынскому морю* идут корабли царя Грубиянишшо, угрожающего Киеву, в зимнебережной былине «Василий Игнатьевич и Батыга»: «Ише шли по морю, морю *Хвалыньскому*, / Увидали они да славной *Киев-град*» [Былины Зимнего берега, № 119, ст. 259–260]. В былине зимнебережной сказительницы Марфы Крюковой, которая любит нанизывать несколько топонимов, Идолище также приходит из-за *Хвалынского моря*:

Как пришол-то он через то морё синее,
 Как (из)-за синего-то *морюшка Аранского*,
 Подошол-то гон ко *морюшку Хвалыньскому*, <...>
 Зашол-то тут Идолишшо ко *Киев-град*
 [Былины Зимнего берега. Крюкова, № 10а, ст. 144–148].

С локусом *Хвалынское море* могут быть связаны поиски достойной невесты. (Напомним, что поиски невесты в «ином» мире, согласно концепции В. Я. Проппа, являются наследием догосударственного эпоса.) Так, в печорской старине о Дунае Таракан сын Заморенин указывает князю Владимиру невесту «за морем за *Хвалынским*, / У того-де Семёна да Леховитого» [Былины Печоры, № 121, ст. 54]. Баба Златыгорка, мать Сокольника, сына Ильи Муромца, по одному из кулойских вариантов, проживает у *Хвалынского моря*:

Ишше от моря, да моря синяго —
 А от синего *морюшка Хвалынского*,
 А от той же бабы Златыгорки
 А родилосе да от бабы чадышко,

Чадо милое, любимое — Соколыцк сын
[Былины Кулоя, № 26, ст. 1–5].

Калики переходящие в кулойской традиции в сюжете «Сорок калик» отправляются в свое паломничество «и-за *синего морюшка Хвалынского*» [Былины Кулоя, № 76, ст. 2].

Образ *Хвалынского моря* в былинах Марфы Крюковой используется для построения метафор: рисуется картина взволнованного моря при той или иной драматической ситуации. *Хвалынское море* «расшумелось» при шипе Соловья-разбойника [Былины Зимнего берега. Крюкова, № 9, ст. 548, 950 — сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник»]; «взбошовало-сё», когда на Киев пришла война — «Камское побоишшо» [Былины Зимнего берега. Крюкова, № 14а, ст. 7].

Хвалынское море в старинах Марфы Крюковой может быть включено в концовку, построенную по модели «синему морю на потишень»:

Как ведь той ли вот старинушке конец и пришол.
Как *Хвалынскому-ту* морюшку на ти́шину,
Как *Дунаю-ту реке* всё да всё на чесь-хвалу,
Как всему у нас советскому народу на послушаньицо
[Былины Зимнего берега. Крюкова, № 20а, ст. 674–677].

Укажем, что в поздних былинных сюжетах топоним *Хвалынское море* начинает смутно наполняться реально-географическим содержанием. Так, в сюжете «Илья Муромец на Соколе-корабле», где противником героя выступает Салтан (восточный персонаж), *Хвалынское море* является устойчивым топонимом. Сибирские варианты начинаются стихами:

Ах как по морю, по морю,
Синю морю по *Хвалынскому*
Ходил-гулял Скол-корабль
[РЭПС, № 38, ст. 1–3; см. также: № 39, ст. 2; № 43, ст. 2].

Хвалынское море мы находим в позднем эпическом текстеновообразовании: по морю плывет корабль («По шинему морю по *Хвалынскому*» [РЭПС, № 88, ст. 7]), на котором сидят невольники; один невольник просит Бога, чтобы ветры принесли корабль на *святую Русь* и обещает поставить церковь

в честь Миколая чудотворца; Бог свершает просимое — герой ставит церковь. Русские невольники, напомним, действительно при разных обстоятельствах попадали в плен и оказывались в каспийских городах.

Для нашей темы важно отметить, что в былинной традиции имеется и позднее наименование *Хвалынского моря* — *Каспийское*, причем связь с реальным водоемом и в этом случае оказывается неосязаемой. В одной из старин о Василии Буслаеве, записанных в Пудожье, герой спрашивает гостей-корабельщиков: «Как найти мне прямше дороженьку ко *Иерусалиму*, святому городу?» — и в ответ получает: «Тебе надоть ехать через *море Каспийское*, / Ехать будет тут семь недель, / А кругом-то ехать три года» [Былины Пудогы, № 524, ст. 37–39]. *Каспийское море* «беспроливное» упоминается в теме пути Соловья Будимировича в Киев [Былины Печоры, № 169, ст. 9–10]. К «*славному морю Каспицкому*» едет королевич из Крякова Лука Петрович, где он встречает своего брата Василия Петровича, в кенозерском тексте [Гильф., № 302, ст. 10, 38].

Замена названия *Хвалынского моря* на *Каспийское* свидетельствует, что былинная традиция, при всей ее консервативности, находилась в постоянном соприкосновении с исторической действительностью и реагировала на изменения, происходившие в ней.

В исторических песнях обобщенный историзм, характерный для былин, сменяется конкретно-историческим сознанием. Этот принципиальный сдвиг сказывается и на топонимах.

Локус *Хвалынского / Каспийского моря* хорошо известен историческим песням. Прежде всего этот топоним мы встречаем в цикле о Степане Разине, который, как известно, в 1668–1669 гг. со своей ватагой казаков совершил набег на города западного Каспия и достиг «трухменского» берега. Однако каспийский поход Разина в песенном фольклоре отразился весьма смутно. Устная традиция не запомнила имени ни одного каспийского города, в котором побывал воровской атаман. Тем не менее *Каспийское море* разинских песен — это реально осязаемое море.

Гидроним *Каспийское море* мы находим в двух вариантах сюжета «Разин и казачий круг». На корабле, стоящем в *Каспийском море*, с золотым бунчуком в руках сидит Разин и размышляет, куда направиться со своей ватагой:

Как по морюшку, морю синему,
По тому *морю Каспицкому*
Бросил якорь воровской корабль
[ИП XVII, № 150, ст. 1–3; см. также: № 152, ст. 3–5].

Единственный вариант сюжета «Разин на Каспийском море» [ИП XVII, № 162] отражает окончание каспийского похода: разинский струг скован осенним льдом, атаман приказывает разбить лед и направиться в «тихие места»:

Тихохонько сине море становилось,
Ничем наше *Каспийское море* не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалось <...>
«Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до той ли до *проточинки Червонныя*,
Как до славного до *острова Кавалерского*»
[ИП XVII, № 162, ст. 1–14].

Топоним *Каспийское море* зафиксирован и в песне «Разин видит сон» — сон, предвещающий гибель атамана (упала с головы шапка):

Как по морю было, морю синему,
По тому *морю по Каспицкому*,
Супротив было *Орловых островов*,
Стоял на якоре воровской корабль
[ИП XVII, № 349, ст. 1–4].

В исторической реальности *Каспийское море* с его островами, равно как и острова дельты Волги, служили разинцам укрытиями после их воровских набегов.

Отметим, что в песнях Разинского цикла используется исключительно позднее название моря — *Каспийское*. Топоним *Хвалынское море* в них не зарегистрирован. Скорее всего, в момент создания разинских песен он наличествовал, но со временем заместился гидронимом *Каспийское море*.

В исторических песнях XVIII в. *Каспийское море* также предстает вполне реальным географическим объектом. Так, песня «Поход Бековича-Черкасского на Хиву» начинается следующими строками:

Как на устье-то было, братцы, *Яикушки*,
На краю моря было *Каспицкого*,
Что во славном городке было во *Гурьеве*
[ИП XVIII, № 156, ст. 1–3].

Здесь называются географические реалии: река Яик (ныне — Урал), *Каспийское море*, город Гурьев, стоявший в устье Яика. Напомним, что поход на Хиву князя Александра Бековича-Черкасского по приказу Петра I состоялся в 1717 г. Военная экспедиция снаряжалась в Астрахани с 1715 г., когда Бекович, кстати, составил первую карту Каспийского моря. В 1717 г. из Астрахани войска перешли в Гурьев и направились к Хиве. После ряда военных столкновений войска Бековича были приглашены в хивинские города, начались переговоры хивинского хана с Бековичем, во время которых последний был убит.

Как мы покажем далее, песенно-исторический фольклор XVIII в. знает и топоним *Хвалынское море*, но географическое содержание в этом имени в песнях будет выхолощено.

Второй географический объект, на который мы обратим внимание, — *Балтийское море*. Упоминание его находим и в былинах, и в исторических песнях. В отличие от *Каспийского моря*, в былинном пространстве *Балтийское море* отражено в гораздо более крепких связях с реальным водоемом. Это, без сомнения, вызвано тем, что для Новгорода *Балтийское море* было очень хорошо освоенным путем в западно-европейские города.

Балтийское море в средневековой Руси, как известно, именовалось *Варяжским*. Топоним зафиксирован еще в «Повести временных лет». Это имя знают былины. В одном из текстов о Василии Буслаеве (Толвуя) герой говорит своим товарищам: «Садитесь на насады черленые / Поедемте по славному *Веряжскому*» [Гильф., № 44, ст. 145; см. также: ст. 146]. *Варяжское* (*Веряжское*) море может трансформироваться в *Верейское* [Былины Пудого, № 404, ст. 2 — сюжет «Соловей Будимирович»].

В былинах встречается также топоним *Вирянское море*. В пудожском варианте «Соловья Будимировича» читаем:

Из-под дуба, дуба сыраго,
Из-под той березы с-под наклапины
Матушка Нева широко прошла,
Устьем выпадала во синее *море* во *Вирянское*
[Былины Пудогги, № 401, ст. 1–4; см. также: ст. 24].

В одном из мезенских текстов былины о Василии Буслаеве путь героя из Новгорода в Иерусалим рисуется следующим образом:

Подогнули паруса полотняны —
Пошли *рекой Волховой*,
Вышли в море во *Виранское*
[Былины Мезени, № 189, ст. 460–462;
см. также: № 188, ст. 446–448, 654–656].

В былиноведческой литературе имеется толкование топонима *Виранское море*. Былинное *Виранское* / *Вирянское море* П. Н. Милюков возводит к *Wironia* / *Wirland* — поморская территория Эстляндии при впадении р. Нарвы в Финский залив [Милюков: 314–315]. Эпическое *Виранское море* — это часть реального *Балтийского моря*.

В процитированных былинных фрагментах достаточно отчетливо обозначено реальное географическое пространство: Нева впадает в *Вирянское (Балтийское) море*; из *Виранского моря* водным путем можно попасть в устье Волхова (через Неву и Ладожское озеро). Эти реально-географические связи еще более отчетливо читаются в старинах, записанных в XX в., в которых появляется новое имя *Варяжского моря* — *Балтийское море*.

Балтийское море мы находим в былинах грамотного сказителя пудожанина Н. В. Кигачева (запись 1938 г.), чей репертуар, как известно, восходит к хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (СПб., 1898. С. 112, и другие издания), в которой был опубликован текст о Садко былинщика А. П. Сорокина (в записи П. Н. Рыбникова). Текст Н. В. Кигачева предельно близок к книжному источнику, тем не менее сказитель в данный топос вносит важное изменение — вместо «синего моря»

(у А. П. Сорокина) он вводит наименование *море Балтийское*, тем самым усиливая реалистические основы былины:

И поплыли оне по реке по *Волховой*,
 А со *Волхова* они в *Ладожское*,
 Со *Ладожского* во *Неву-реку*,
 Со *Невы-реки* во море *Балтийское*
 [Былины Пудогы, № 532, ст. 160–163].

Обозначенный в былине маршрут, как видим, отвечает географической реальности. В варианте «Поездки Василия Буслаева в Иерусалим» Н. В. Кигачева (запись 1938 г.) опять встречаем *Балтийское море*:

И шел Василий с дружиной храброю,
 На реку он на *Волхову*,
 И садились они в струги легкия,
 Они поплыли по реке по *Волхову*,
 А со *Волхова* — во *Ладожское*,
 А с *Ладожского* — во *Неву-реку*,
 Со *Невы-реки* оне в *Балтийское*
 [Былины Пудогы, № 524, ст. 22–28].

Естественно, мы не предполагаем, что реальный путь в Иерусалим русских паломников проходил через водное пространство морей, огибающих всю Западную Европу. Художественная логика былин обозначает конечную точку путешествия героя, мыслящуюся как далекий локус и к тому же еще — в рамках оппозиции «свой» / «чужой» — опасный. Эта логика подчинена архаическим, мифологическим по своей сути основам эпоса. Однако в классическом эпосе глубинные мифологические основы трансформируются в исторические, в результате чего и появляются реалии, с одной стороны, абсолютно точно отвечающие географии, а с другой — нарушающие правду реального пространства.

Балтийское море, завоевание выхода к которому Петр I считал одной из важнейших задач Северной войны (1700–1721) со шведами, занимает значительное место и в исторических песнях XVIII в. Как локус *Балтийское море* в песнях упомянуто несколько раз, причем фольклорная традиция начала XVIII в. знает разные гидронимы для обозначения этого

водного пространства. Именование данного водоема в историко-песенном фольклоре связано с реализацией трех разных направлений фольклорной мысли: 1) фольклорная традиция использует древнерусский топоним для обозначения моря; 2) осваивает новое имя, вошедшее в русское сознание в начале XVIII в.; 3) опираясь на песенную традицию, применяет к морю имя другого водоема, хорошо известного устной народной поэзии.

В одном из вариантов сюжета «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора» пленный швед так обозначает место, где находится шведская армия:

Стоит наша сила в чистом поле,
За теми за мхами, за болоты,
За той за великой переправой,
По край-близ *Варяжского моря*
[ИП XVIII, № 71, ст. 38–41].

В этом отрывке контаминируются мифологическое и историческое представления о пространстве. Формулы «чистое поле», «за мхами, за болоты» являют «иное» пространство: неприятельские войска пришли из «инога» мира. В формуле «великая переправа» заложены не только значение реальной переправы, с которой постоянно приходится сталкиваться воинским частям, но и представление о переправе как границе между «нашим» и «иным» миром. *Варяжское море* в данном контексте оказывается и иномирным морем, и конкретно-географическим.

Гидроним *Балтийское море* находим в двух вариантах песни «Петр I на корабле». По сюжету царь плывет или из шведских земель в Россию, или из России в Швецию. Обратим внимание на то, что море в этой песне в поэтическом языке предстоит «своим» пространством; образов «мхов» и «болот» мы здесь не находим. В общефольклорной формуле «синее море» значение «иное» здесь выхолощено, так как рядом появляется формула «у нас»: «А у нас было на синем море, / На синем море на *Балтийском*» [ИП XVIII, № 209, ст. 1–2]; «Как по морю-морюшку по синему, / По синему морю по *Балтийскому*» [ИП XVIII, № 210, ст. 1–2].

Любопытен вариант из сборника М. Д. Чулкова (то есть одна из самых ранних записей), где песня, сложившаяся по поводу действий Петра I на Балтике (царь плывет в Стекольный город, т. е. в Стокгольм), использует старую фольклорную формулу с именем *Хвалынское* (то есть Каспийское) *море*: «Ах по морю, морю синему, / По синему *морю по Хвалынскому*» [ИП XVIII, № 208, ст. 1–2].

Хвалынское море, вопреки географической действительности, встречается и в одном из вариантов сюжета «Русские войска берут Ригу»: «Как по морю, морю синему, по синему *морю Хвалынскому* / Плыли-восплывали три военных корабля» [ИП XVIII, № 85, ст. 1–2].

Равным образом в песни Петровского времени попадает гидроним *Каспийское море*. В сюжете «Царь посылает казаков на шведскую заставу», в противоречие с географической действительностью, Петр I плывет по *Каспийскому морю* и раздумывает, кого ему послать на «шведскую границу»: «По морю синему по *Каспийскому* плывет корабличек, / На корабличке, на носу, знамя царское государево» [ИП XVIII, № 112, ст. 1–2].

Примеры с *Хвалынским* / *Каспийским* / *Варяжским* / *Виранским* / *Балтийским* морем ярко демонстрируют, что в фольклорной традиции ведущими оказываются не только связи «историко-географическая реалья» — «адекватное отражение ее в устной народной поэзии», но и механизмы самой фольклорной традиции. Называя географический объект, песня в то же время отражает фольклорную традицию. *Хвалынское* (*Каспийское*) *море* в сочетании со Стекольным городом (Стокгольмом) или «шведской границей» — это не «порча», о которой так много писали представители исторической школы, а проявление одного из законов фольклорного языка. Слово (и даже топоним) заключает в себе как видовое (конкретное), так и родовое (общее) значение.

С присоединением к России невско-прибалтийских земель в песенно-эпическом фольклоре (в исторических песнях) появились новые локусы, отсутствующие в былинах. В отличие от былин, где образ *Хвалынского моря*, не имеет реальных связей с географическим объектом, имена городов в исторических песнях прочно привязаны к исторической

действительности. Обратим внимание, что в именовании отдельных городов мы можем отметить те же процессы сдвигов в употреблении разновременных топонимов.

Первый локус — *Шлиссельбург*. Крепость, напомним, располагается на острове Ореховый у истока Невы из Ладожского озера. В 1323 г. новгородцы на острове поставили сначала деревянные укрепления, а затем через тридцать лет в 1353 г. заложили каменные стены и башни. Шведы неоднократно подступали к крепости, называемой *Орешек*. В 1613 г. Швеция захватила *Орешек* и переименовала его в Нотебург (шв. 'nöt' — 'орех'). Во времена царя Алексея Михайловича Россия сделала попытку вернуть крепость, но осада закончилась неудачей. Наконец, осенью 1702 г. из Олонецкого края по знаменитой Осударевой дороге русские войска были скрытно переброшены на Ладогу. Крепость была осаждена в сентябре, и 11 октября в результате решительного штурма Нотебург пал. Петр I переименовал его в *Шлиссельбург* ('ключ-город').

Фольклорная традиция Петровского времени помнит древнерусское название данного локуса и в то же время активно использует новое название крепости, причем и в его нормативной форме, и в просторечной. Ситуацию двойного имени крепости отражает песня «Солдаты готовы штурмовать Орешек» [ИП XVIII, № 81–82]: царь спрашивает генералов, как штурмовать крепость, они предлагают отступить; государь с тем же вопросом обращается к солдатам, те заявляют: «А будем мы его белою грудью брати». В начальных строках песни в противовес ее бравому заключению звучит жалоба молодца на рекрутчину:

Во солдатах быть мне и в походе
Что под славным городом под *Орешком*,
А по нынешнему званию *Шлиссельбургом*
[ИП XVIII, № 81, ст. 5–7; см. также: № 82, ст. 9–10].

То же двойное именование крепости находит место в одном из вариантов песни «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора»: «Во славном городе Орешке, / По нынешнему званию *Шлюшенбурхе*» [ИП XVIII, № 72, ст. 1–2].

Древнерусское имя крепости в историко-песенном фольклоре звучит или как *Орешек* («Еще как нам будет взять *Орешек?*» [ИП XVIII, № 81, ст. 14; см. также № 82, ст. 16, 25]), или как *Орех-город* («Еще брать ли нам иль нет *Орех-город?*» [ИП XVIII, № 81, ст. 20]; сюжет «Солдаты готовы штурмовать Орешек»).

Географическое название *Шлиссельбург*, не привычное солдатскому уху, в песнях иногда предстает в нормативной форме [ИП XVIII, № 81, ст. 7], что, впрочем, скорее всего, является фактором, обусловленным образованным собирателем. Зафиксирована форма *Слюссельбург* [ИП XVIII, № 82, ст. 10]; *Слюссельбургский бережок* упоминается в песне «Взятие Орешка» [ИП XVIII, № 83, ст. 10]. Просторечной формой является *Шлюшин*. Именно так локус назван в песне «Казачи встречаются царя под Шлиссельбургом» [ИП XVIII, № 51, ст. 6]; так же город именуется в песне «Краснощеков сражен пулей»: «Что под славным было городом под *Шлюшеном*» [ИП XVIII, № 104, ст. 1].

Двойное именование локуса в исторических песнях — древнерусским и современным Петру I именем — встречается и в связи с *Дерптом* / *Юрьевом*. Город *Юрьев* имеет непростую историю смены названий. Он был основан в 1030 г. древнерусским князем Ярославом Мудрым, назвавшим его *Юрьев*, по-видимому, по собственному христианскому имени. После распада Киевского государства город входил в сферу влияния Новгородской феодальной республики. В 1224 г. *Юрьев* был захвачен немецкими рыцарями-меченосцами, а впоследствии оказался под властью Ливонского ордена. С этого времени город, ставший крупным торговым центром, назывался *Дорпат* или *Дерпт*. С 1582 г. *Дерптом* владела Речь Посполитая. В XVII столетии он стал предметом постоянных военных столкновений между Швецией, Россией и Речью Посполитой: в 1600–1603 гг. принадлежал Швеции; в 1603–1625 гг. — Речи Посполитой; в 1625–1656 гг. — Швеции; в 1656–1661 гг. — России; в 1661–1704 гг. — Швеции. В июне 1704 г. в ходе Северной войны *Дерпт* был осажден Б. П. Шереметевым и вскоре капитулировал. С этого времени он входил в состав Российской

империи. В 1893 г. при Александре III городу вернули древнерусское имя *Юрьев*. С образованием Эстонии он был переименован в Тарту.

Географическое имя *Дерпт* единожды использовано в одном из вариантов песни «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора». В тексте № 71 русские войска гонятся «за шведским генералом / До самого города до *Дерпта*» [ИП XVIII, № 71, ст. 60–61]. В данном тексте о взятии *Дерпта* не говорится. Скорее всего, песня отражает ситуацию 1702 г., когда после поражения шведов при Гуммельсгофе войско во главе с Б. П. Шереметевым подошло к *Дерпту* и разорило пригородные мызы.

Вариант № 70 того же сюжета «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора» вписывается в ситуацию 1704 г., когда город пал под ударами русских войск. Однако здесь он называется не *Дерпт*, а *Юрьев*. Б. П. Шереметев в этом варианте движется «Под славной под город под *Юрьев*, / Под тот ли под *Юрьев ливонский*» [ИП XVIII, № 70, ст. 8–9]. Древнерусский *Юрьев*, как следует из песни, солдатами воспринимается как «чужой» город — город «шведской земли», «ливонский» город. Согласно песне, государь Петр I, прибывший к *Юрьеву* (в соответствии с исторической действительностью), проклинает осаждаемый город:

Да будь же ты, *Юрьев*, проклят
Отныне ты, *Юрьев*, и до веку,
Не будет тебе, *Юрьеву*, построенья,
Белокаменным палатам поставленья
[ИП XVIII, № 70, ст. 50–53].

Важно указать, повторим еще раз, что в одном художественном пространстве песен Петровского времени фольклорная традиция может использовать разновременные топонимы, обозначающие один и тот же локус.

И, наконец, последний локус — *Колывань* / *Ревель*. Механизмы устной традиции, заложенные в рассмотренных примерах *Хвалынское море* → *Каспийское море*, *Варяжское море* → *Балтийское море*, *Орешек* → *Шлиссельбург* и *Юрьев* → *Дерпт*, сказываются и в связи с городом *Ревелем*.

По историческим данным, поселение впервые упомянуто в 1154 г. В русских летописях на протяжении XII–XVI вв. город назывался *Колыванью*. До XIII в. эти чудские (по терминологии летописей) территории находились в сфере влияния Древней Руси. Топоним *Колывань* в фольклористике принято связывать с былинными героями Колываном и Самсоном Колывановичем. В 1219 г. *Колывань* была захвачена Данией, и город получил новое имя — *Ревель*. Город активно развивался как торговый порт. В 1346 г. Дания продала *Ревель* Тевтонскому ордену, закрепившемуся в Прибалтике, а тот передал его потом Ливонскому ордену. В 1561 г. при распаде Ливонского ордена *Ревель* стал владением Швеции. Город был взят русскими войсками в 1710 г. *Ревель* находился в составе Российской империи до 1918 г., когда была образована самостоятельная республика Эстония. Тогда город был переименован в Таллин.

В фольклорной традиции XVIII в. употребляются и древнерусское название города, и датско-немецкое. *Ревель* запечатлен в сюжете «Шведская королева просит помощи» [ИП XVIII, № 87–91]: шведская королева, сидящая в *Ревеле*, на вопрос генералов, просит ли она помощи от брата-короля, чтобы защитить город, отвечает, что она посылала к нему курьеров; тут же русская армия входит в город, снимает шведские караулы, расставляет российские. Один из вариантов песни начинается строками: «Как во славном то во городе было в *Колывани*, / Что по нынешнему названьицу славный город *Ревель*» [ИП XVIII, № 88, ст. 1–2], т. е. именование города строится по модели *Орешек / Шлиссельбург*.

В другом тексте двойное название города появляется в самом конце песни:

Барабанщики в барабаны бьют — город взяли,
Как по старому названьицу *Колывань-город*,
По нашему названьицу — город *Ревель*
[ИП XVIII, № 89, ст. 20–22].

Однако подчеркнем, что в остальных вариантах используется единственный топоним — *Колывань*: «Как во славном было городе *Колыване*» [ИП XVIII, № 87, ст. 1]; «Что во славном было городе *Колывани*» [ИП XVIII, № 90, ст. 1]; «Не белы снежки

в поле забелелися, / А это забелелся славный город *Колываньца*» [ИП XVIII, № 91, ст. 1–2].

Заключение

Рассмотренный ряд географических имен демонстрирует, что топонимы, играющие большую роль как в поэтике былин, так и исторических песен, являют одну из важнейших сторон историко-песенного фольклора — отражают пространственные представления русского народа. Географические знания безграмотных носителей песенного эпоса оказываются весьма устойчивыми и правдивыми.

В то же время топонимы позволяют наглядно ощутить некоторые механизмы фольклорной традиции. Важный для понимания песенно-эпических жанров тезис об обобщенном типе историзма, характеризующем былины, и конкретном историзме, рождающемся в исторических песнях, подтверждается и сферой топонимов. *Хвалынское море* в былинах, как мы показали, теряет реально-географические смыслы; это же географическое имя в песнях Разинского цикла достаточно правдиво отражает данный природный объект.

Сфера топонимов, как показывает материал, позволяет рассмотреть сдвиги в именовании разных локусов, что также характеризует механизмы конкретного историзма, и самое главное — движение внутри былин к конкретному историзму. *Варяжское / Виранское / Балтийское море*, в гораздо большей степени, чем *Хвалынское / Каспийское*, знакомое сказителям, оставаясь в былинах в области обобщенного историзма, наполняется в назывании объектов, расположенных в Балтийском регионе (*река Волхов — Ладожское озеро — река Нева — Балтийское море*), достаточно осязаемой географической конкретикой.

Реагирование историко-песенного фольклора на смену географического имени для называния одного и того же локуса (*Орешек / Шлиссельбург, Юрьев / Дерпт, Колывань / Ревель*) — это также проявление уже окончательно утвердившегося в новом жанре (исторические песни) конкретного историзма.

Список литературы

1. Былины Зимнего берега Белого моря / изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков; отв. ред. тома А. Н. Власов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. 995 с. (Свод русского фольклора. Былины; т. 8.) — Былины Зимнего берега
2. Былины Зимнего берега Белого моря: сказительница Марфа Семеновна Крюкова / изд. подгот. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2020. 1703 с. (Свод русского фольклора. Былины; т. 9.) — Былины Зимнего берега. Крюкова
3. Былины Кулоя / изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. 922 с. (Свод русского фольклора. Былины; т. 6.)
4. Былины Мезени / корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003–2006. (Свод русского фольклора. Былины; т. 3–5.)
5. Былины Печоры / корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод русского фольклора. Былины; т. 1–2.)
6. Былины Пудогы / изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013–2016. (Свод русского фольклора. Былины; т. 16–18 (1–2).)
7. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л.: АН СССР, 1949–1951. Т. 1. 735 с.; Т. 2. 811 с.; Т. 3. 670 с. — Гильф.
8. Исторические песни XVII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л.: Наука, 1966. 385 с. — ИП XVII
9. Исторические песни XVIII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. 356 с. — ИП XVIII
10. Милюков П. Н. Что такое «море Вирянское» и город «Леденец»? (Справка к вопросу о времени и месте происхождения былины о Соловье Будимировиче) // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900. С. 314–315.
11. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / изд. подгот. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск: Наука, 1991. 499 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.) — РЭПС

References

1. *Byliny Zimnego berega Belogo morya* [*Epics of the Winter Coast of the White Sea*]. St. Petersburg, Nauka Publ., Moscow, Klassika Publ., 2018. 995 p. (The Code of Russian Folklore. Epics; vol. 8). (In Russ.)
2. *Byliny Zimnego berega Belogo morya: skazitel' nitsa Marfa Semenovna Kryukova* [*Epics of the Winter Coast of the White Sea: The Storyteller Marfa Semyonovna Kryukova*]. St. Petersburg, Nauka Publ., Moscow, Klassika Publ., 2020. 1703 p. (The Code of Russian Folklore. Epics; vol. 9). (In Russ.)
3. *Byliny Kuloya* [*Epics of Kuloy*]. St. Petersburg, Nauka Publ., Moscow, Klassika Publ., 2011. 922 p. (The Code of Russian Folklore. Epics; vol. 6). (In Russ.)
4. *Byliny Mezeni* [*Epics of Mezen*]. St. Petersburg, Nauka Publ., Moscow, Klassika Publ., 2003–2006. (The Code of Russian Folklore. Epics; vol. 3–5). (In Russ.)
5. *Byliny Pechory* [*Epics of Pechora*]. St. Petersburg, Nauka Publ., Moscow, Klassika Publ., 2001. (The Code of Russian Folklore. Epics; vol. 1–2). (In Russ.)
6. *Byliny Pudogi* [*Epics of Pudoga*]. St. Petersburg, Nauka Publ., Moscow, Klassika Publ., 2013–2016. (The Code of Russian Folklore. Epics; vol. 16–18 (1–2)). (In Russ.)
7. *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* [*Onega Epics Recorded by A. F. Hilferding in the Summer of 1871*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949–1951, vol. 1. 735 p.; vol. 2. 811 p.; vol. 3. 670 p. (In Russ.)
8. *Istoricheskie pesni XVII veka* [*Historical Songs of the 17th Century*]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 385 p. (In Russ.)
9. *Istoricheskie pesni XVIII veka* [*Historical Songs of the 18th Century*]. Leningrad, Nauka Publ., 1971. 356 p. (In Russ.)
10. Milyukov P. N. What Is the “Viryanskoe Sea” and the Town “Ledenets”? (Reference to the Question of the Time and Place of Origin of the Epic About the Nightingale Budimirovich). In: *Yubileynyy sbornik v chest' Vsevoloda Fedorovicha Millera, izdannyy ego uchenikami i pochitatel'yami* [*Anniversary Collection in Honor of Vsevolod Fedorovich Miller, Published by His Students and Admirers*]. Moscow, 1900, pp. 314–315. (In Russ.)
11. *Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [*Russian Epic Poetry of Siberia and the Far East*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 498 p. (Folklore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иванова Татьяна Григорьевна, Tatyana G. Ivanova, PhD (Philology), Chief Researcher, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), The Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); e-mail: tgivanova@inbox.ru.

Поступила в редакцию / Received 24.02.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 31.03.2022

Принята к публикации / Accepted 02.04.2022

Дата публикации / Date of publication 06.06.2022